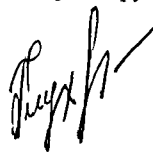

На правах рукописи

Глухарёва Елена Владимировна

**ИНСТИТУТЫ СЕМЬИ И ОБРАЗОВАНИЯ В ПРОЦЕССЕ
ВОСПРОИЗВОДСТВА НЕРАВНЫХ СТРАТЕГИЙ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ МОЛОДЁЖИ
МОНОПРОМЫШЛЕННОГО ГОРОДА**

Специальность 22.00.04 – социальная структура, социальные институты и процессы

АВТОРЕФЕРАТ

22 МАР 2012

диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

005013311

Казань – 2012

Работа выполнена на кафедре социологии, политологии и менеджмента федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева (КНИТУ – КАИ)»

Научный руководитель:

доктор социологических наук
Хамзина Гузель Рашитовна

Официальные оппоненты:

доктор политических наук, профессор
Мухарямова Лайсан Музиповна

кандидат социологических наук, доцент
Соловьева Наталья Вячеславовна

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Казанский национальный исследовательский технологический университет (КНИТУ – КХТИ)»

Защита состоится «12» апреля 2012 года в 14.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.081.25 при Казанском (Приволжском) федеральном университете по адресу: 420008, г.Казань, ул. Кремлевская, д.35, конференц-зал Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского КФУ (г. Казань, ул. Кремлевская, д.35, корпус 2).

Электронная версия автореферата опубликована на официальном сайте ФГАОУВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» <http://www.ksu.ru>

Автореферат разослан «11» марта 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

С.А. Ахметова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Российское общество находится в постоянном движении самообновления за счет демографического и социального воспроизводства. Социальное воспроизводство представляет собой сложный и противоречивый процесс продуцирования социальной структуры, системы социальной дифференциации и стратификации, т.е. расслоения общества на основе социального неравенства.

Среди институтов социального воспроизводства выделяются институты семьи и образования. Их особое место в социальном воспроизводстве обусловлено тем, что они одновременно являются и его каналами, и его субъектами. Институт семьи, кроме того, являясь одним из наиболее значимых субъектов этого процесса, одновременно выполняет и функцию главного субъекта демографического воспроизводства.

Социальная структура, система социальной стратификации российского общества имеют локальную специфику – они неоднотипны в столичных и нестоличных крупных городах, в малых и средних городах, в селе. В этом контексте особенно актуально выявление локальной специфики воздействия институтов семьи и образования на социальное воспроизводство и профессиональное самоопределение молодежи, чем определяется актуальность темы диссертации.

Проблема исследования: 1) современный кризис в сфере образования обусловлен коммерциализацией образования и соответственно – усилением социального неравенства в доступе к получению качественного образования;

2) имущественная дифференциация значительной частью общества воспринимается как социально несправедливая, воспроизводящая неравные жизненные шансы на достижительские стратегии;

3) социально-профессиональное самоопределение молодежи зависит от социального статуса семьи, ее социального, экономического и культурного капиталов.

Степень изученности проблемы. Сложность выбранной темы обусловила необходимость обращения к разноплановым источникам. Выделим зарубежные и отечественные исследования, в которых актуализированы следующие аспекты исследуемой проблемы:

- общество, социальные институты, социальная структура, система социальной стратификации, социальные изменения (О.Конт, Г.Спенсер,

К.Маркс, М.Вебер; П.Сорокин, Т.Парсонс, Н.Луман, П.Блау; М.Восленский, Э.Гидденс, Р.Дарендорф, Н.Смелзер и др.¹; в отечественной социологии – В.А. Ядов, В.И. Добренков, Т.И. Заславская, А.Х. Бурганов, А.И. Кравченко, В.В. Радаев, М.Н. Руткевич, Р.В. Рывкина, О.И. Шкаратан, Р.Т. Насибуллин и др.²; из татарстанских авторов – В.А. Беляев, С.А. Ерофеев, Г.В. Морозова, А.З. Гильманов, В.К. Падерин, Э.С. Рахматуллин, Н.С. Фатхуллин, Г.Р. Хамзина и др.³;

- трансформация института семьи, ее функций, в т.ч. репродуктивной и социализационной (А.И. Антонов, А.Б. Синельникова, Н.Г. Хайруллина и др.⁴; из татарстанских – Т.Г. Исламшина, Л.В. Карцева, Ф.А. Ильдарханова, Г.Р. Столярова, Р.М. Рахимова, О.А. Максимова, Л.Р. Муртазина, Е.Н. Дрепа и др.⁵), тенденции усиления неравенства шансов в сфере образования в постсоветском российском обществе (Е.М. Аврамова, Д.Л. Константиновский, Е.М. Рощина, И.Д. Фрумин и др.⁶; из татарстанских

¹ Вебер М. Избранное. Образ общества. – М., 1994; Вебер М. Основные понятия стратификации // Социологические исследования. – 1994. – № 5; Дарендорф Р. Современный социальный конфликт: Очерки политической свободы. – М., 2002; Парсонс Т. Система современных обществ. – М., 1997; Восленский М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. – М., 1991; Гидденс Э. Стратификация и классовая структура // Социол. исслед. – 1992. – № 9; Гидденс Э. Элементы теории структуризации // Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. – Новосибирск, 1995; Гидденс Э. Социология. – М., 1999; Смелзер Нейл. Социология. – М., 1994; Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992; Сорокин П. Социальная мобильность. – М., 2005 и др.

² Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. – СПб., 2006; Добренков В.И., Кравченко А.И. Социология. Социальная структура и стратификация. Том 2. – М., 2000; Заславская Т.И. Современное российское общество: механизм трансформации. – М., 2004; Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Драма перемен. – М., 2001; Бурганов А. Философия и социология собственности: русские и татарские реалии. – М., 2004.

³ См. Насибуллин Р.Т. Воспроизводство трудовых ресурсов. – Л., 1992; Беляев В.А. Отечественная интеллигенция как объект и субъект политики. – Казань, 2006; Хамзина Г.Р. Поселенческий фактор социальных изменений. Теоретико-методологический анализ. – Казань, 2006.

⁴ Антонов А.И. Семейный образ жизни в сельской России. – М., 2007; Синельников А.Б. Трансформация семьи и развитие общества. – М., 2008; Семья и будущее России / Материалы международной научно-практической конференции. 3-4 февраля 2004 г. – Екатеринбург, 2004; Мониторинг демографической ситуации в Российской Федерации и тенденций ее изменения. – М., 2008.

⁵ Дрепа Е.Н., Исламшина Т.Г. Современная демографическая ситуация в татарстанских городах: состояние, перспективы, прогнозы. – Нижнекамск, 2010; Ильдарханова Ф.А., Ильдарханова Ч.И., Зарипова Э.А., Нурутдинова А.Н. Разводы в Татарстане // Социол. исслед. – 2011. – № 3; Карцева Л.В. Социология семьи. – Казань, 2007; Максимова О.А. Методологические аспекты поколенческого анализа общества: социологический дискурс // Регионы России: власть и общество в условиях социальных рисков. Ч.2. – Казань, 2008; Муртазина Л.Р. Изменение стереотипов брачно-семейного и сексуального поведения провинциального населения. – Казань, 2011; Рахимова Р.М. Социализация и ресоциализация провинциальной молодежи. – Казань, 2001.

⁶ Аврамова Е.М. Образование как адаптационный ресурс населения // Проблемы доступности высшего образования. – М., 2003; Константиновский Д.Л. Динамика неравенства. Российская молодежь в меняющемся обществе: ориентация и пути в сфере образования (от 1960-х годов к 2000). – М., 1999; Рощина Е.М. Неравенство доступа к образованию. Что мы знаем об этом? // Проблемы доступности высшего образования. – М., 2003; Константиновский Д.Л., Вахштайн В.С., Куракин Д.Ю., Рощина Е.М. Доступность качественного общего образования в России: возможности и ограничения // Вопросы образования. – 2006. –

исследователей – Ф.Г. Зиятдинова, Р.Г. Минзарипов, В.П. Модестов, М.А. Нугаев, В.В. Фурсова, С.К. Шайхитдинова и др.¹).

- роль семьи и школы в выборе жизненного пути молодежи (в 1960 – 1970-е гг. – исследования новосибирских социологов под руководством В.Н. Шубкина²; в 1980-е гг. – лонгитюдные исследования в Эстонии: М.Х. Титма³, из эмпирических исследований в Казани – С.А. Ахметова, А.Л. Салагаев и др.);

- жизненные стратегии молодежи в российском обществе⁴, ставшие предметом обсуждения и на международной конференции, проведенной в Нижнем Новгороде в 2002 году с участием ученых России, США, Германии, Новой Зеландии, Польши, Казахстана, Узбекистана⁵;

- роль семейного капитала в воспроизводстве социальной структуры, социального неравенства и стратификации, в формировании нового среднего слоя/протокласса/класса⁶ (М.Н. Руткевич, О.И. Шкаратан, В.В. Радаев, В.И. Ильин, А.Г. Здравомыслов, М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги, Н.Е. Тихонова, С.В. Мареева, Л.А. Беляева, и др.⁷).

№2; Фрумин И.Д. Основные подходы к проблеме равенства образовательных возможностей // Вопросы образования. – 2006. – № 2.

¹ Зиятдинова Ф.Г. Социальные проблемы образования. – М., 1999; Зинурова Р.И. Особенности репродуктивного поведения в российских регионах // Социол. исслед. – 2005. – № 3; Минзарилов Р.Г. Концептуальные основы воспитательного процесса в условиях гуманитарной среды классического университета. Социально-философский аспект. – Казань, 2005; Минзарилов Р.Г. Воспитание в российских университетах: исторический опыт и перспективы. На примере Казанского университета. – Казань, 2006; Нугаев М.А. Моделирование и прогнозирование развития качества социального потенциала региона (на примере Республики Татарстан). – Казань, 2011; Социология образования: теории, исследования, проблемы: Хрестоматия / Сост. С.А. Ерофеев, В.П. Модестов, В.В. Фурсова. – Казань, 2004.

² Череди́ченко Г.А., Шубкин В.Н. Молодежь вступает в жизнь (социологические исследования проблем выбора профессии и трудоустройства). – М., 1985.

³ Начало пути. Поколение со средним образованием / Отв. ред. М.Х. Титма. – М., 1989.

⁴ Социальный облик российской молодежи в начале XXI века – М., 2009; Быт и бытие молодежи российского мегаполиса: социальная структура повседневности общества потребления. – СПб., 2007; Студенчество на пути к другому обществу: ценностный дискурс перехода. – Харьков, 2006; Матвеева Н.А. Инерционность системы образования в России (теория, методология и опыт социологического исследования). – Барнаул, 2004; Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. – М., 2010; Фурсова В.В., Хананова Д.Х. Социальное неравенство в системе образования: отечественные и зарубежные теории и исследования. – Казань, 2007.

⁵ Социология социальных трансформаций. – Нижний Новгород, 2003.

⁶ До настоящего времени нет до конца определенности в интерпретациях этой социальной группы российского общества.

⁷ Руткевич М.Н. Социальная структура. – М., 2004; Шкаратан О.И. Российский порядок: вектор перемен. – М., 2004; Шкаратан О.И., Ильин В.И. Социальная стратификация России и Восточной Европы: сравнительный анализ. – М., 2006; Шкаратан О.И. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. – М., 2009; Ильин В. Социальное неравенство. – М., 2000; Тихонова Н.Е., Мареева С.В. Средний класс: теория и реальность. – М., 2009; Тихонова Н.Е. Феномен городской бедности в современной России. – М., 2003; Горшков М.К., Тихонова Н.Е. Средний класс в современной России. – М., 2008; Малеева Т.М. Средние классы в России: экономические и социальные стратегии. – М., 2003.

Проблемы локальной специфики воспроизводства социальной структуры и стратификации российского общества, формирования новых ее субъектов, а также системы социального неравенства, в том числе неравенства в образовании, нашли отражение в ряде докторских (А.В. Шолохов, из татарстанских социологов – Р.Г. Минзарипов, Р.М. Рахимова, Г.Р. Хамзина) и кандидатских диссертационных исследований (Е.Н. Коломасова, Д.Е. Овчинников, И.С. Помазкова, Е.В. Петунина; из татарстанских – Т.Р. Калимуллин, Г.З. Абитова, П.Н. Афанасьев, Д.Х. Ханнанова и др.).

Таким образом, в исследуемой области к настоящему времени определились три основных направления: 1) социальное воспроизводство, в т.ч. воспроизводство системы социального неравенства (З.Т. Голенкова, М.Ф. Черныш, Е.И. Пашинина, А.В. Ткач, Д.А. Николаевский, Е.А. Панина, Л.Теодорович и др.)¹;

2) семья в контексте социальной структуры (Е.А. Цыглакова, В.Г. Яковлева, Л.А. Часовская, Ю.Б. Степанова, Г.З. Нафикова, С.А. Змеева и др.)²;

3) профессиональное образование и самоопределение (И.А. Храмцова, Н.В. Стребкова, А.Ю. Слепухин, Т.И. Мерззликина, Н.С. Мельникова, Т.А. Михайлова, С.А. Шаронова, В.Н. Чайкин, Н.В. Никитенко, Д.Е. Овчинников, Е.С. Помазкова и др.)³.

¹ Черныш М.Ф. Социальные институты и мобильность в трансформирующемся обществе. – М., 2005; Пашинина Е.И. Стратификационное пространство занятости в контексте формирования среднего класса. – Саратов, 2007; Ткач А.В. Качественные и количественные модели социальной структуры и стратификации. – Новочеркасск, 2004; Николаевский Д.А. Социоструктурные трансформации российского общества: формирование и субъектные характеристики среднего класса. – Новочеркасск, 2004; Панина Е.А. Ценностно-ориентационный потенциал среднего класса как фактор современных социокультурных изменений. – Майкоп, 2007; Теодорович М.Л. Проактивная стратегия снижения бедности в России: партиципаторный механизм реализации. – Нижний Новгород, 2010 и др.

² Цыглакова Е.А. Социальный статус монородительской семьи. – Саратов, 2005; Яковлева В.Г. Семья в условиях трансформации российского общества: проблема конфликтов и способы их разрешения. – Улан-Удэ, 2007; Часовская Л.А. Семья как фактор формирования ценностных ориентаций подрастающего поколения. – Ставрополь, 2004; Степанова Ю.Б. Трансформация института семьи в современных российских условиях. – Саратов, 2006; Нафикова Г.З. Институционализация неполной семьи в трансформирующемся обществе. – Уфа, 2005; Змеева С.А. Социально-демографическое поведение населения современной России. – Саратов, 2010 и др.

³ Храмцова И.А. Состояние и противоречия организации профессионального обучения в современных условиях: социологический анализ. – Екатеринбург, 2007; Стребкова Н.В. Оценка качества высшего образования: институциональный подход. – Екатеринбург, 2009; Слепухин А.Ю. Трансформация высшего образования в контексте социальных противоречий глобализации. – Саратов, 2005; Мерззликина Т.И. Высшее профессиональное образование как фактор культурного воспроизводства в условиях современной России. – Курск, 2005; Мельникова Н.С. Образовательные приоритеты в изменяющемся российском обществе. – М., 2005; Михайлова Т.А. Доступность образования в Германии и России. – Саратов, 2004; Шаронова С.А. Универсальные константы института образования – механизм воспроизводства общества. – М., 2005; Чайкин В.Н. Институционализация высшего профессионального образования в условиях трансформации российского общества. – Волгоград, 2004; Никитенко Н.В. Образование как социальный ресурс интеграции в обществе социальных трансформаций. – Саратов, 2007; Овчинников Д.Е.

Произведенный библиографический обзор свидетельствует о непреходящем интересе исследователей к проблематике диссертации.

Объект исследования – институты семьи и образования как каналы воспроизводства неравных стратегий профессионального самоопределения молодежи.

Предмет исследования – институты семьи и образования в процессе выбора стратегий профессионального самоопределения молодежи монопромышленного города.

Цель исследования – определить факторы формирования неравных стратегий социально-профессионального самоопределения молодежи монопромышленного города.

Задачи исследования:

- проанализировать методологические и теоретические основания изучения институтов семьи и образования как каналов социального воспроизводства;

- раскрыть в сравнительном формате изменения функции социальной селекции семьи и школы в советском и постсоветском российском обществах;

- охарактеризовать образовательные шансы молодежи монопромышленного города Республики Татарстан на материале г. Нижнекамска;

- определить социокультурные ресурсы семьи в контексте новых форм неравенства в доступе к образованию в российском обществе.

Теоретико-методологические основы исследования. При выполнении работы использованы:

- историко-эволюционный подход (И.Я. Бахофен, Л.Г. Морган, К.Маркс, Ф.Энгельс)¹, в соответствии с которым констатируется универсализм функций семьи в различные исторические эпохи;

- структурно-функциональный подход (Э.Дюркгейм, П.Сорокин, Т.Парсонс, Р.Мертон)²: институт семьи рассмотрен как системное образование со множеством функций, меняющихся вместе с изменением общества; из всех функций семьи выделено социальное

Формирование образовательных стратегий учащихся: социологический аспект. – М., 2010; Помазкова Е.С. Профессиональное самоопределение российской молодежи в условиях социальной неопределенности. – Ростов-на-Дону, 2011 и др.

¹ Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – М., 1983. – Т. 23; Маркс К. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – М., 1983. – Т. 4; Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. произведения. – В 9 т. – Т.6. – М., 1987.

² Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Пер. с фр. – М.: Наука, 1991; Merton R.K. Sociological Ambivalence. – N.Y., 1976; Мертон Р. Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль. – М., 1994. – С.379 - 448; Парсонс Т. О структуре социального действия. – М., 2000; Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992.

воспроизводство (функциональный аспект исследования), анализируется роль института семьи среди других социальных институтов общества (структурный аспект);

- институциональный подход: изучены образовательные практики и стратегии семей монопромышленного города.

Теоретическую базу исследования составили фундаментальные труды П.А. Сорокина (концепции социального неравенства, социальной стратификации, каналов социальной селекции и социальной циркуляции)¹, П.Бурдьё (теория капиталов, концептуализация образования как культурного/символического капитала)², а также работы российских исследователей (З.Т. Голенкова, В.В. Радаев, М.Н. Руткевич, Н.Е. Тихонова, О.И. Шкаратан и др.)³.

Эмпирическую базу исследования составили:

- данные официальной статистики о современных социально-демографических процессах в российских регионах, в т.ч. в Республике Татарстан и отдельных ее поселенческих структурах;

- данные об образовательной деятельности в монопромышленном городе Нижнекамске РТ, текущие документы о содержании, уровнях успешности обучения, социальном и образовательном статусе родителей учащихся «элитных» и «обычных» учебных заведений, ставших экспериментальной базой диссертационного исследования;

- результаты вторичного анализа материалов исследований проблем семьи и образования, профессиональной ориентации молодежи (в советский период – исследования в Новосибирске, Эстонии, в Казани; в постсоветский период – всероссийские опросы ВЦИОМ, 2006 г. и Центра социального прогнозирования при Министерстве образования и науки РФ, 2008-2009 гг.; анкетные опросы Министерства образования Республики Татарстан, 2007-2009 гг.);

¹ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992; Сорокин П. Социальная мобильность. – М., 2005.

² Бурдьё П. Начала. – М., 1994; Практический смысл. – СПб., 2001. В российской социологии в 2000-е гг. отмечен особый интерес к теории капиталов П. Бурдьё. См.: Социология социального пространства. – М., 2005; Социализм Пьера Бурдьё. Альманах российско-французского центра социологии и философии Института социологии РАН. – М., 2001; Сиянская О.В. Основные факторы воспроизводства человеческого капитала // Экономическая социология, 2001. – Т.2. – № 1 и др.

³ Голенкова З.Т. Основные тенденции трансформации социальных неравенств // Россия: трансформирующееся общество. – М., 2001; Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. – М., 1996; Руткевич М.Н. Социальная структура. – М., 2004; Тихонова Н.Е. Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. – М., 1999; Шкаратан О.И. Социальное расслоение в современной России: драма расколотого общества // Мир России. – 2004. – № 1.

- материалы полуформализованного интервью, проведенного с учащимися и их родителями в шести школах города Нижнекамска. Объем выборки – 480 человек (определено число всех школ в городе, из них отобрано 3 «элитных» и 3 «обычных» школы; в каждой школе выбрано два класса (10 и 11 классы); в каждом классе проинтервьюированы учащиеся и их родители);

- тексты историй жизни, изложенных в сочинениях студентов третьего-четвертого курсов Нижнекамского муниципального института и заочного отделения гуманитарного факультета Казанского технического университета им. А.Н. Туполева (отобрано и проанализировано 50 текстов, наиболее характерных с точки зрения полноты/неполноты описания, наличия фактографического/рефлексивного, многопоколенного/трехпоколенного биографического материала). Фактически в поле анализа оказалось около 1000 человек: в каждой отдельной истории жизни содержится информация не только о самом информанте, но и о нескольких поколениях его предков по отцовской и по материнской линиям родства (в каждой собранной истории - от 20 до 30 человек).

Научная новизна исследования:

- выявлены качественные изменения ролевых функций семьи и школы в профессиональном самоопределении молодежи (в советском обществе было значимо влияние родителей – в семьях интеллигенции; учителей – в крестьянских и рабочих семьях; в ситуации постсоветской декомпозиции социальной структуры молодежь рассчитывает больше на себя, чем на семью и школу);

- установлено, что в условиях коммерциализации образования происходит делегирование институту семьи полномочий государства при выборе стратегии профессионального самоопределения молодежи: семья становится и главным инвестором в образование, и главным заказчиком образовательных услуг, что усиливает, при неравных экономических и социальных ресурсах семей, самовоспроизводство социальной поляризации;

- дана авторская интерпретация кризиса современной системы российского образования: а) девальвация образования (обесценение труда учителей, преподавателей вузов, культурного капитала специалистов с высшим образованием); б) избыток на рынке труда многих профессий при одновременном дефиците рабочих профессий; в) накопление в обществе конфликтного потенциала, связанного с неравенством образовательных шансов населения; г) поиски «владельцев избыточных дипломов» о высшем образовании других

«рынков сбыта своих услуг» (выбор работы не по полученной специальности, занятость работой, не требующей для ее выполнения высшего образования, трудовая миграция из малых и средних городов в крупные и столичные города, «дипломированные» безработные на рынке труда);

- раскрыта локальная специфика влияния семейного капитала на социальное воспроизводство в монопромышленном городе (у малообеспеченных семей – отсутствие экономических и социальных ресурсов для выбора успешной стратегии профессионального самоопределения их детей; у семей, имеющих экономический капитал, но не располагающих культурным капиталом, – ограниченность шансов получения качественного образования; у семей, имеющих и экономический, и социальный капитал, - психологическая неготовность к обучению своих детей в престижных столичных вузах, что способствует самовоспроизводству семьей однотипной ей модели структуры городского населения);

- теоретически обоснована корреляция интенсивности роста численности среднего слоя монопромышленного города наличными капиталами семей (наращивание семейного капитала способствует «утолщению» среднего слоя; ускоренный рост среднего слоя увеличивает шансы получения качественного образования и в перспективе – достижения престижных позиций в социальной иерархии, воспроизводства этих позиций при смене поколений).

Основные положения, выносимые на защиту:

1. На смену прежнему, популярному в советском обществе, одностороннему представлению о роли высшего образования как способе достижения высокого социального статуса приходит прагматическое понимание корреляции качественного/престижного образования и занимаемой социальной позиции в стратифицированном пространстве.

2. Несоответствие между реформирующейся системой среднего и высшего образования с ее продолжающейся коммерциализацией и финансовыми возможностями значительного сегмента общества, к которому относятся малообеспеченные и бедные семьи, способствует поляризации населения монопромышленного города.

3. Особенности выполнения семьями с разными капиталами функции социальной селекции в монопромышленном городе проявляются: а) при выборе родителями школы обучения для своих детей; б) в неравных спонсорских возможностях семьи, провоцирующих явную или неявную дискриминацию в школе учащихся

со стороны педагогов или сверстников; в) в выбранной семьей образовательной стратегии ребенка по окончании школы; г) в наличествующих/отсутствующих социальных связях семей, способствующих занятию их детьми престижных/непрестижных позиций в ситуации выбора дальнейшей жизненной траектории.

4. Для ослабления нарастающей социальной полярности в образовательных практиках и жизненных стартах молодежи целесообразна реализация стратегии сбалансированного социального неравенства на разных уровнях: *на государственном уровне* – продолжение патерналистской политики в отношении малообеспеченных семей, а также семей, где имеются лица с ограниченными возможностями; *на региональном уровне* – реализация национальных социальных проектов в сферах здравоохранения, образования, семейной политики; *на уровне администрации образовательных учреждений* – следование гуманистической позиции педагогического коллектива в отношении низкостатусных семей; *на уровне института семьи* – приращение ее экономического капитала на основе создания семейных фирм и ферм, повышения психолого-педагогической, общекультурной компетентности родителей.

5. Представления родителей и их детей о социальном равенстве (неравенстве), социальной справедливости (несправедливости) неадекватны научному знанию. Просвещение в этом направлении предостережет от необоснованных патерналистских социальных притязаний как учащихся, так и их родителей, будет способствовать повышению их социальной активности, целеустремленности в достижении более высокого социально-экономического статуса.

Научно-практическая значимость исследования. Полученные результаты, выводы и рекомендации, изложенные в диссертации, могут быть использованы структурами государственной власти при разработке программ социальной поддержки семьи, образовательных проектов, а также учебных курсов по социальной стратификации, социологии семьи, социологии образования, демографии в вузе.

Апробация результатов исследования. Материалы эмпирического исследования, основные положения работы использованы в деятельности Управления образования Нижнекамского муниципального района Республики Татарстан, а также Центра внешкольной работы для одарённых детей г.Нижнекамска, Городского центра творческого развития и гуманитарного образования для одарённых детей г.Казани, в выступлениях соискателя на 17 научно-практических конференциях и семинарах разных уровней (Москва,

Ярославль, Тольятти, Казань, Набережные Челны, Нижнекамск, Бугульма, Альметьевск, Кокшетау – Республика Казахстан) и 10 публикациях по теме диссертации.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трёх глав, включающих шесть параграфов, заключения, библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность темы диссертации, раскрыты степень разработанности проблемы; определены объект и предмет, цель и задачи исследования; дана характеристика теоретико-методологической и эмпирической основы исследования, научной новизны полученных результатов, определена их научно-практическая значимость; представлены основные положения, выносимые на защиту, описана структура диссертации.

В первой главе **«Теоретико-методологические основы исследования институтов семьи и образования как субъектов социального воспроизводства»** социальное воспроизводство рассмотрено как процесс, включающий в себя воспроизводство 1) социальной структуры, 2) системы социальной дифференциации.

В первом параграфе первой главы **«Социальная стратификация: плюрализм методологических подходов к исследованию»** представлен анализ классических и современных концепций социальной стратификации, раскрыты особенности методологических подходов к изучению социальной структуры советского общества: социальная структура советского общества считалась состоящей из двух дружественных классов (рабочий класс и колхозное крестьянство) и межклассового слоя – интеллигенции; идеологические установки того периода исключали саму возможность признания фактов социального неравенства и социальной несправедливости в советском обществе; теории и концепции стратификации критиковались как «буржуазные», не соответствующие марксистской методологии исследования социальных проблем. Реабилитация теории социальной стратификации состоялась лишь в постсоветский период.

Дана сравнительная характеристика советской и постсоветской стратификационных систем (З.Т. Голенкова, М.К. Горшков, Т.И. Заславская, Р.В. Рыбкина, Н.Е. Тихонова, В.И. Ильин, В.В. Радаев, М.Н. Руткевич, О.И. Шкаратан, М.Ф. Черныш и др.); определена значимость институтов семьи и образования в формировании среднего слоя, или протокласса (В.А. Беляев, Г.Р. Хамзина).

Во втором параграфе «Семья и школа как каналы социальной селекции» представлен историографический экскурс в становление семьи институтом не только демографического, но и социального воспроизводства; раскрыта роль семьи в развитии социально-экономической структуры общества, дан библиографический анализ процессов формирования классов/слоев; структурирования среднего слоя/протокласс/класса в современных обществах. Отдельно выделены концепции социальной стратификации П.Сорокина, Т. Парсонса, в которых семья и образование рассматриваются в качестве каналов воспроизводства социального неравенства; особое внимание уделено значимости теории капиталов П.Бурдьё, концепции социального неравенства Р.Дарендорфа для изучения неравных образовательных стратегий молодежи в условиях коммерциализации образования.

Сделан вывод, что институты семьи и образования остаются основными каналами, через которые происходит обновление общества, движение индивидов и групп по социальной иерархии.

Во второй главе «Взаимодействие институтов семьи и образования в процессе социально-профессионального самоопределения молодежи монопромышленного города» представлен анализ понятий «притязания», «шансы», теории капиталов (в т.в. образования как символического капитала) П.Бурдьё; раскрыта детерминация выбора образовательной стратегии молодёжи монопромышленного города семейным капиталом.

В первом параграфе второй главы «Семейный капитал как ресурс образовательных притязаний и неравных шансов молодёжи монопромышленного города» обозначены существенные межрегиональные и внутрирегиональные различия (на уровнях: город и село, город – административный центр региона и провинциальный город), составляющие основу выбора неравных стратегий социально-профессионального самоопределения молодежи.

На материалах вторичного анализа исследований советского и постсоветского периодов выявлены мотивационные основы ориентации молодежи на получение высшего образования: 1) в советском обществе родители, сами имевшие высшее образование, считали его ценностью и прививали такую ценностную ориентацию своим детям; диплом о высшем образовании идентифицировался с получением творческой работы, накоплением интеллектуального потенциала, достижением личного успеха «с дипломом вуза»; 2) в постсоветском обществе, в котором высшее образование стало массовым, сам факт наличия диплома о высшем образовании стал более значимым, чем качество

полученных знаний (на современном рынке труда диплом о высшем образовании уже считается желательным для ищущих практически любую работу).

Проведенный вторичный анализ результатов исследований в советский и постсоветский периоды обеспечил соискателя исходной информацией для изучения современных тенденций в образовательной сфере на объекте своего эмпирического исследования — в монопромышленном городе.

Нижнекамск – крупнейший центр нефтехимической промышленности страны, с численностью населения в 227 тыс. человек, с благоприятной демографической ситуацией, разветвленной образовательной структурой. 14 из 58 школ города – «элитные» школы (в них углубленно изучаются отдельные предметы, классы формируются с ограниченной численностью учащихся, обучение односменно, классные кабинеты технически хорошо оборудованы, имеют выход в Интернет; библиотеки комплектованы новейшей учебно-методической и предметно-специальной литературой: есть хорошо оборудованные спортивные залы, бассейны, теннисные корты, другие спортивные сооружения; создано множество секций творческого и физического развития детей; имеется высококвалифицированный нефеминизированный педагогический коллектив) – лауреаты конкурсов разных уровней, в т.ч. конкурсов по реализации национального проекта «Образование». Эти школы имеют высокий рейтинг доверия у родителей при выборе школы для обучения своих детей. Поскольку дополнительные образовательные услуги в этих школах платные, то преимущественно учащиеся в этих школах являются детьми из материально обеспеченных семей.

Социальный статус родителей учащихся «элитных» и «обычных» школ представлен следующим образом (табл.1):

Таблица 1

Социальный статус родителей учащихся,
в % к их общему числу

Тип образовательных учреждений	Социальный статус родителей											
	Руководящие работники		Инженерно-технические работники		Служащие		Рабочие		Предприниматели		Другие	
	Отцы	Матери	Отцы	Матери	Отцы	Матери	Отцы	Матери	Отцы	Матери	Отцы	Матери

«Элитные» школы:													
Лицей № 35	19,0	8,0	16,5	20,0	12,5	33,0	42,0	24,0	8,0	7,0	2,0	8,0	
Гимназия № 25	1,6	0,7	7,4	7,6	75,5	74,0	8,0	12,4	6,3	1,4	1,2	3,9	
СОШ № 27	1,2	0,3	6,5	7,2	65,1	76,6	15,9	12,0	2,4	1,0	8,9	2,9	
Итого:	7,3	3,0	10,1	11,6	51,0	61,2	21,9	16,1	5,6	3,1	4,0	4,9	
«Обычные» школы:													
СОШ № 29	1,4	0,7	6,3	8,0	46,6	62,0	41,1	22,6	2,4	1,7	2,2	5,0	
СОШ № 3	1,7	0,3	2,2	1,2	29,6	34,0	58,8	57,5	1,9	0,8	9,3	5,8	
СОШ № 21	0,6	0,6	1,7	4,5	43,0	33,4	45,6	53,4	1,4	2,0	7,3	6,1	
Итого:	1,2	1,6	3,4	4,6	39,7	43,1	48,5	44,5	1,9	1,5	6,3	5,6	

По приведенным данным, родители учащихся престижных школ относятся к высокостатусным (из общей численности родителей 7,3% отцов, 3% матерей являются руководящими работниками, 10,9% - инженерно-техническими работниками), тогда как родители учащихся «обычных» школ – преимущественно рабочие и служащие (среди них руководителей – 1,4%, инженерно-технических работников – 4%).

Образовательный уровень родителей учащихся указанных школ характеризуется следующими данными (табл.2):

Таблица 2

Образовательный уровень родителей учащихся,
в % к их общему числу

Тип образовательных учреждений	Образование родителей			
	Высшее образование		Среднее специальное	
	Отцы	Матери	Отцы	Матери
«Элитные» школы:				
Лицей № 35	54,7	62,5	45,3	37,5
Гимназия № 25	63,5	59,0	36,5	41,0
СОШ № 27	64,4	67,4	35,6	32,6
Итого:	60,9	63,0	39,1	37,0
«Обычные» школы:				
СОШ № 3	34,0	46,9	66,0	53,1
СОШ № 21	37,8	44,2	62,2	55,8
СОШ № 29	52,6	74,7	47,4	25,3
Итого:	41,5	55,3	58,5	44,7

Согласно вышепредставленным данным, уровень образования родителей учащихся престижных школ выше, чем родителей «обычных» школ: в совокупности 62% родителей учащихся престижных школ имеют высшее образование, тогда как такой уровень образования имеют лишь 48,4% родителей учащихся «обычных» школ. В приведенных данных прослеживается специфика образовательной ситуации в данном городе: 1) среди матерей учащихся безотносительно к типу школ больше лиц с высшим образованием, чем среди отцов – в местных филиалах вузов подавляющее большинство студентов стабильно составляют женщины; 2) женщин больше и среди служащих, чем среди рабочих; 3) среди родителей представлены и рабочие, занятые на нефтехимических предприятиях города, где высок уровень заработной платы – они имеют материальные возможности для оплаты платных услуг элитных школ.

Выявлены существенные различия в реализуемых образовательных стратегиях выпускников разных типов школ (в 2009/2010 учебном году из 52 выпускников лицея № 35 все поступили в высшие учебные заведения, в т.ч. в вузы Казани – 24 человека, в вузы других городов страны – 22, в местные филиалы вузов – 6 человек; гимназию № 25 в 2010 году закончили 53 человека, все поступили в вузы, в том числе в казанские – 34 человека, вузы других российских городов – 14, в филиалы различных вузов Нижнекамска – 5 человек. Иные образовательные стратегии у выпускников «обычных» школ. Школу № 3 в 2010/2011 учебном году закончили 22 человека, из них 8 поступили в вузы, в т.ч. 4 – в вузы Казани, 1 – в вуз Санкт-Петербурга, 3 – в нижекамские филиалы вузов; 14 человек – в профессионально-технические училища).

Выпускники престижных школ, согласно собранной статистической информации, выстраивают успешную образовательную стратегию за пределами своего города, что следует рассматривать как факт финансовой состоятельности их родителей, т.е. как проявление неравенства в доступе к качественному образованию молодежи из разных социальных слоев.

Во втором параграфе второй главы «**Образовательные стратегии молодежи монопромышленного города**» представлен анализ материалов проведенного полуструктурированного интервью родителей и учащихся разнотипных школ. Эмпирически выявлено, что введение единого государственного экзамена (ЕГЭ), какое бы негативное отношение к нему у общественности ни сложилось, способно выполнять функцию селекции; одновременная подача документов в

несколько вузов создаст возможность поступления хотя бы в один из вузов, а для выпускников, имеющих высокие баллы из малообеспеченных семей, - это единственный шанс поступления в вуз на бюджетной основе. Как правило, учащиеся и их родители, независимо от своих материальных возможностей, предпочли бы бюджетное обучение. Их мнение отражено в суждениях информантов: *«Можжем оплачивать обучение, но хотелось бы, чтобы дочь могла учиться бесплатно»* (отец Д.П., ученицы 11 класса); *«Будем биться за бюджет»* (Е.Г., ученица 11 класса). По данным интервью, об образовательных кредитах большинство и родителей, и выпускников не имеют ясного представления. Даже если респонденты осведомлены о них, то их отношение к кредитной системе негативное из-за высоких процентных ставок: *«Воспользоваться образовательным кредитом – значит попасть в кабалу»* (мать А.Г., ученицы 10 класса). Использование образовательных кредитов как средства выравнивания шансов получения высшего образования для представителей разных имущественных групп, достижения сбалансированного образовательного неравенства пока не находит реального воплощения, хотя при разработке концепции образовательного кредита это предполагалось.

Одно из исходных понятий диссертации – «успешность образовательных стратегий» не случайно (с учетом низкого уровня преподавания в местных филиалах) было подвергнуто операционализации как возможность поступления в вузы Москвы, Санкт-Петербурга, Казани.

Сам факт функционирования элитных и обычных средних общеобразовательных учреждений служит способом селекции учащихся в зависимости от экономического и социокультурного статусов семей. Выравнивание шансов получения качественного образования в средней школе, независимо от уровня благосостояния родителей учащихся, представляет собой социальную проблему, решить которую можно разными способами (благотворительность, спонсорство, социальные выплаты, снижение процентных ставок на образовательные банковские кредиты). В этом плане целевое обучение в вузе за счет предприятий, организаций, где работают родители выпускников, которое практикуют, например, в настоящее время такие татарстанские предприятия, как «Генерирующая компания «Татэнерго» и др., заслуживает широкого распространения.

В третьей главе «Институты семьи и образования в условиях постсоветской декомпозиции социального порядка» представлен

анализ изменений социальных функций семьи на протяжении истории ее эволюции.

В первом параграфе третьей главы **«Институт семьи в стратифицированном пространстве постсоветского российского общества»** понятие «социальное пространство», впервые определенное П.Сорокиным как особый вид социального бытия, место социального процесса¹, использовано в современном общепринятом значении: 1) как поле социальной деятельности, включающее совокупность значимых социальных групп, индивидов, объектов в том или ином их взаимном расположении; 2) как представления индивида или группы о своем *месте в обществе*. Оно разделено, дифференцировано в соответствии с множеством критериев субъектов деятельности (социальный престиж, профессия, доход, образование, участие во властных отношениях, самоидентификация). Исследователи справедливо отмечают, что в научной литературе недостаточно изучено значение ресурсов семьи в качестве критериев социальной дифференциации². Ресурсом повышения социально-экономического статуса семей в диссертации признается формирование среднего класса/средних слоев – на основе создания малого и среднего бизнеса.

В российском обществе ограничен доступ социальных групп с низкими доходами к престижному образованию, качественному медицинскому обслуживанию, что обусловило введение в предметную область диссертации феномена социальной справедливости, трудно поддающегося эмпирическому измерению, в связи с чем в работе предпочтение отдано не количественной, а качественной методологии: произведен анализ историй семей, в которых просматривается роль семьи в выборе образовательной и жизненной стратегии, в процессах социальной мобильности.

В историях семей содержится фактографический материал – сведения о событиях и фактах, стратегиях жизни отдельных представителей семьи (родился, учился, получил профессию, женился...), о передаче последующим поколениям полезных ресурсов (профессиональных ориентаций, моральных принципов, культурных традиций), позволяющих понять сущность системы ценностей и представлений различных поколений. Отдельные тексты выполнены в

¹ См.: Сорокин П.А. Человек. Общество. Цивилизация. – М., 1992.

² См.: Черныш М.Ф. Социальная дифференциация в современном обществе: множественность форм // Россия: трансформирующееся общество. – М., 2001. – С. 80; Хамзина Г.Р. Поселенческий фактор изменений российского общества. – Казань, 2006. – С. 122 - 123.

форме повествования о жизнедеятельности разных поколений и собственных комментариев и суждений информантов о судьбах страны и семей.

Это не автобиографии, составленные самим респондентом. Авторами текстов об историях жизни в исследовании являются студенты, которые записывали рассказы своих близких родственников об их жизни, жизни их родителей/прародителей по обеим линиям родства. Описывая свое генеалогическое древо, студенты характеризуют билатеральное родство (ведущее и по материнской, и по отцовской линиям), однако часто фиксируется, что о родстве по материнской линии сохранилось больше сведений, чем по отцовской. Это происходит потому, что сведения о предыдущих поколениях студенты получают преимущественно от матери и бабушек: *«Генетические корни мамы уходят далеко вглубь веков, - замечает студент Г.Д. – Моя прабабушка родилась почти 100 лет назад, в 1915 году»*.

В каждой семейной истории, так или иначе, отражена история страны: события Октябрьской революции, коллективизация, раскулачивание, ликвидация безграмотности, Великая Отечественная война. События же последующего времени (перестройка, распад Советского Союза, дефолт 17 августа 1998 г. и др.) реже упоминаются в семейных историях, возможно, потому, что эти события не стали еще далекой историей.

Такой качественный метод сбора информации, как истории семей, доступен и не очень сложен при организации полевого этапа исследования. Однако настоящие трудности возникают тогда, когда материал собран и его надо обрабатывать: много времени тратится на описательные процедуры, разработку параметров, по которым будет осуществлена типизация описываемых событий, производиться теоретическая разработка информации.

История каждой семьи неповторима, поэтому очень трудно анализировать и обобщать семейные истории, делать однозначные выводы.

Изучение историй жизни 50 семей помогло осмыслить более детально пути трансмиссии социального статуса, гендерные аспекты социальной мобильности, средства передачи очередному поколению семейного капитала.

Второй параграф третьей главы **«Стратегии выравнивания образовательных шансов российской молодежи»** является обобщающим итогом всей работы. В ней дан критический анализ

проблем в образовательной сфере российского общества и определены некоторые меры по снижению уровня (сбалансированию, сглаживанию, ослаблению) неравенства образовательных шансов провинциальной молодежи. Анализируется феномен расхождения между официально декларируемыми мерами по сокращению неравенства образовательных шансов молодежи, детерминированного экономическим статусом семей, периферийностью местожительства и их практической реализацией: 1) заслуживает поддержки курс на сокращение многочисленных провинциальных филиалов вузов, которые не в состоянии обеспечить набираемый контингент студентов качественными знаниями из-за отсутствия местных кадров, учебных помещений и оборудования, отвечающих современным требованиям, из-за нецелевого использования средств, собираемых за оплату обучения. Не иначе как отсутствием должной требовательности со стороны контролирующих органов при лицензировании, аккредитации, аттестации вузов, можно объяснить сохранение и в настоящее время многочисленных филиалов вузов, которые в большинстве случаев обеспечивают всех обучающихся лишь дипломом о высшем образовании; 2) официально всем имеющимся вузам, включая их провинциальные филиалы, не формально, а реально предписано работать по единым государственным стандартам для того чтобы выдаваемые вузами дипломы были равноценны. Они рассчитаны на все вузы безотносительно места их нахождения, но многие объективные условия для применения этих стандартов отсутствуют в периферийных вузах: вузы не готовы к введению многоуровневой структуры образования (бакалавриат, магистратура; большинство из них формально (неэффективность введенной балльной системы, низкий уровень языковой подготовки, низкая требовательность оценки знаний студентов в преподавательской практике, информационное отставание преподавательского корпуса и др.) интегрированы в болонский процесс, но фактически не в состоянии готовить специалистов, конкурентоспособных не то что на международном, но и на отечественном рынке труда. Это в конечном счете делает невозможной нострификацию полученных дипломов об окончании бакалавриата, магистратуры; 4) предпринимаемые меры по созданию возможностей получения высшего образования детьми из малообеспеченных семей (образовательные кредиты банков, прием в вузы по результатам ЕГЭ и др.) потенциально способны ослабить уровень неравенства образовательных стратегий разных социальных групп. Однако они реализуются с большими издержками, в результате чего

малообеспеченные и бедные семьи этими кредитами не пользуются, а первоначальная идея ЕГЭ – открыть доступ к высшему образованию талантливой молодежи – фактически плохо реализуется; 5) увеличение численности студентов вузов, с одной стороны, привело к росту показателей уровня «образованности» общества, с другой – к падению его качества, перепроизводству специалистов по ряду профессий при отсутствии гарантий трудоустройства по полученной специальности, к безработице среди владельцев дипломов о высшем образовании и одновременно – к дефициту кадров рабочих профессий.

В самом начале реформы системы образования обнаружились существенные разногласия между структурами власти и научно-образовательным сообществом: в научной литературе еще не получили переосмысления такие процессы, как формирование различных образовательных потребностей у разных социальных групп, остается открытым и вопрос о востребованности образования на новом рынке труда; неполно изучены факторы, детерминирующие неравные образовательные стратегии населения.

Институты семьи и образования остаются главными каналами социальной селекции. Они все больше утрачивают функции социального выравнивания и усиливают функции поддержания слоевых различий, уменьшая жизненные шансы низших слоев и увеличивая шансы высших слоев.

В этой части работы сформулированы общие выводы:

- в советском обществе выходцам из «низов» предоставлялись большие возможности для социального восхождения (устанавливались квоты приема в техникумы, вузы для отслуживших в армии, для детей рабочих и крестьян; в педагогические, медицинские, сельскохозяйственные вузы выделялись места для абитуры из числа выпускников сельских школ с тем, чтобы по окончании вуза молодые специалисты возвращались на работу в село, и это компенсировало дефицит в селе учителей, врачей, медицинских сестер, специалистов сельского хозяйства). В этом контексте нельзя отрицать социальную ориентированность советской образовательной политики;

- постсоветские изменения во взаимодействии институтов семьи и образования не представляется возможным оценивать исключительно положительно: не преодолена ограниченность доступа к высшему образованию в условиях его коммерциализации детям из малообеспеченных семей, что способствует нарастанию неравенства их образовательных шансов; снижение требований к оценке знаний в среднем и высшем учебных заведениях сказывается на качестве

подготовки молодых специалистов; несбалансирован рынок спроса на специалистов с высшим образованием; образование превратилось в сферу потребительских услуг населению, а семья – в главного заказчика этих услуг.

Повышение социокультурного статуса семьи в условиях неравного доступа молодежи к образованию будет способствовать постепенному ослаблению неравенства образовательных шансов провинциальной молодежи.

В Заключении подведены итоги исследования, сформулированы выводы и обобщения:

1. В советском обществе семья и школа были заинтересованы в подготовке высококвалифицированных специалистов, а отношения между ними можно было квалифицировать как партнерские. Советское общество было унифицировано и открыто для всех слоев общества. Высшее образование формально также было доступно всем слоям общества, однако, высокие конкурсы в престижные вузы ограничивали возможности выходцев из малообеспеченных слоев общества, и особенно – жителей села, малых городов, детей рабочих и крестьян. В этих условиях семья и образовательные учреждения становились субъектами социального самовоспроизводства. В то же время в советском обществе сформировалась значительная межклассовая группа «народной интеллигенции» из среды крестьян и рабочих в результате получения ими высшего образования (достаточно интенсивна была вертикальная социальная мобильность, или социальное восхождение).

2. В постсоветском российском обществе произошли качественные изменения ролевых функций политического института в лице государства и социальных институтов семьи и образования, которые предопределили новые тенденции в их взаимодействии:

- на фоне все более снижающейся конкурентоспособности владельцев дипломов о высшем образовании на рынке труда, не государство, а семья стала и главным заказчиком, и потребителем образовательных услуг, и главным инвестором в образование. Данный вывод соотносится с продолжающимися процессами социальной поляризации;

- в новых экономических условиях в качестве неявной цели института образования выступает прибыль; функция подготовки высококвалифицированных специалистов отходит на второй план; семья становится основным институтом, способным влиять на воспроизводство социальной структуры, а образование выступает

посредником в процессе социальной циркуляции, усиливается роль школы как селекционирующего канала;

- сфера образования, будучи коммерциализированной, превратилась в сферу потребительских услуг. Сложившиеся отношения между семьей и школой можно квалифицировать как неравноправные отношения между покупателем и продавцом, где образование – товар, учащиеся – средство получения прибыли: «продавец» устанавливает свои цены (официальные и латентные) за свои образовательные услуги, а «покупатель торгуется» (если устанавливаемые «цены на образовательные услуги» его не устраивают, то он или отказывается от «предлагаемого товара», или ищет другой «рынок продаж»). Введение и в научный оборот, и в повседневную практику термина «образовательные услуги» декларирует, что образование из прежней престижной сферы деятельности превратилось в сферу обслуживания, и в этой новой сфере произошло рассогласование статусов «субъектов предлагаемых услуг» (учителей, преподавателей вузов).

3. Сложилось прагматическое отношение и населения, и работодателей к высшему образованию: на рынке труда стал ценнее сам диплом об окончании вуза, а не качество реально полученного образования, что указывает на кризис системы российского образования (девальвация самооценности образования; неадаптированность вузов к быстро меняющейся конъюнктуре потребностей в кадрах; «перепроизводство» одних, «недопроизводство» других специалистов и др.). Как результат – в процессе обучения в вузе у студентов формируется немотивированность успешной учебы в вузе, которая становится не главной, «дополнительной занятостью».

4. Усиливающаяся дифференциация семей по степени владения капиталом (экономическим, культурным, социальным) препятствует осуществлению властными структурами политики выравнивания образовательных шансов различных слоев общества. В этой ситуации вмешательство государства в сферу образования неизбежно и целесообразно.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

Статьи в изданиях, вошедших в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК РФ:

1. Глухарёва Е.В. П.Сорокин о семье и школе как каналах воспроизводства социального неравенства / Е.В. Глухарёва // Казанская наука. – 2011. – №8. – С.330 – 333. (0,25 п.л.)

Публикации в других научных изданиях:

2. Глухарёва Е.В. Динамика изменения социальных ценностей молодёжи в современном российском обществе / Е.В. Глухарёва // Актуальные проблемы самореализации личности. Материалы II межвузовской научной конференции Нижнекамского муниципального института / Под ред. И.Э. Абдрахманова. – Нижнекамск: Изд-во «Чишме», 2000. – С. 27 – 31. (0,31 п.л.)

3. Глухарёва Е.В. Современная семья в СМИ / Е.В. Глухарёва // Этнодидактика народов России: преемственность, традиции, инновации. Материалы III Всероссийской научно – практической конференции / Под ред. Ф.Г. Ялалова. – Нижнекамск: Изд-во «Чишмэ», 2005. – С. 250 – 252. (0,19 п.л.)

4. Глухарёва Е.В. Образовательные стратегии молодёжи / Е.В. Глухарёва // Интеллектуальное и творческое развитие детей: идеи, опыт, результат. Сб. научно-методических статей / Под ред. В.И. Андреева. – Казань: Центр инновационных технологий, 2006. – С. 60 – 64. (0,31 п.л.)

5. Глухарёва Е.В. Особенности исследовательского обучения в школе / Е.В. Глухарёва // Этнодидактика народов России: деятельностно-компетентностный подход к обучению. Материалы V Международной научно-практической конференции (Нижнекамск, 27 апреля 2007 г.) / Под ред. Ф.Г. Ялалова. – Нижнекамск: Изд-во НМИ, 2007. – С. 262 – 264. (0,19 п.л.)

6. Глухарёва Е.В. Виды одарённости / Е.В. Глухарёва // Этнодидактика народов России: обучение и воспитание в состязательной среде. Материалы VI Международной научно-практической конференции (Нижнекамск, 24 апреля 2008 г.) / Под ред. Ф.Г. Ялалова. – Нижнекамск: Изд-во НМИ, 2008. – С. 241 – 242. (0,12 п.л.)

7. Глухарёва Е.В. Семейный капитал как ресурс образовательных притязаний российской молодёжи / Е.В. Глухарёва // Организация научно - исследовательской деятельности школьников. Материалы II Республиканского обучающего семинара / Под ред. С.А. Рыбакова, Н.Н. Савиной. – Казань: ЗАО «Новое знание», 2009. – С.17 – 21. (0,31 п.л.)

8. Глухарёва Е.В. Семья как канал самовоспроизводства социального неравенства в потреблении услуг по развитию творческих способностей учащихся / Е.В. Глухарёва // Актуальные проблемы образования и воспитания: ценностно-мотивационный подход: сб. научно-методических материалов / Под ред. Н.Ю. Синягиной, А.Г. Болелова. – М.: Арманов-центр, 2009. – С. 66 – 68. (0,19 п.л.)

9. Глухарёва Е.В. Заглянуть за горизонт... / Е.В. Глухарёва // Элита

Татарстана / Под ред. В. Карпова. – Казань: ООО «София», 2011. – № 1 – 2. – С. 68. (0,06 п.л.)

10. Глухарёва Е.В. Стратегии выравнивания образовательных шансов российской молодёжи / Е.В. Глухарёва // Качественное образование: проблемы, поиски, перспективы. Материалы регионального обучающего семинара работников системы образования (Республика Казахстан, г.Кокшетау, 16 июня 2011 г.) / Под ред. Т.Р. Битуовой. – Кокшетау: ЦНОКО, 2011. – С. 48 – 52. (0,31 п.л.)

Общий объем публикаций – 2,24 п.л.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Подписано в печать 05.03.2012 г.
Формат 60×84/16. Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 2,0. Бумага офсетная.
Способ печати – оперативный. Тираж 100 экз. Заказ № 58.
Отпечатано с оригинал-макета в типографии «Папирус».
420000, РТ, г.Казань, ул. Чехова, 31